

Стогов Дмитрий Игоревич

КРУЖОК П. А. БАДМАЕВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье рассматривается деятельность крупной неформальной правой политической организации Царской России периода Первой мировой войны – кружка врача П. А. Бадмаева. Особое место уделено социальному составу, вопросу организации собраний, кругу рассматривавшихся на собраниях вопросов. Делается вывод о степени влияния кружка П. А. Бадмаева на внутреннюю политику Николая II.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (32): в 2-х ч. Ч. II. С. 165-171. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

7. **Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК.** М., 1970. Т. 3.
8. **Неживых Н. А.** Взаимоотношения партийных и советских органов с православной церковью в 1920-1929 гг. На материалах Западной Сибири: дисс. ... к.и.н. Омск, 1998.
9. **Пономаренко М. В.** Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX века (по материалам Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20.
10. **Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).** Ф. М-1. Оп. 3.
11. **РГАСПИ.** Ф. М-1. Оп. 4.
12. **РГАСПИ.** Ф. М-1. Оп. 23.
13. **Слезин А. А.** Антирелигиозные праздники 1920-х гг. // Вопросы истории. 2010. № 12. С. 82-91.
14. **Слезин А. А.** Политический контроль как функция государства // Юридический мир. 2007. № 1. С. 59-63.
15. **Слезин А. А., Баланцев А. В.** Противодействие комсомольских организаций религиозному влиянию среди «восточных национальных меньшинств»: специфика первой половины 1920-х годов // ВВ: Проблемы общества и политики. 2012. № 3. С. 48-100.
16. **Товарищ комсомол.** М., 1969. Т. 1.
17. **Шифротелеграмма Полномочного представительства ГПУ на Урале (г. Екатеринбург) Вотскому областному отделу ГПУ с текстом циркуляра ГПУ при НКВД РСФСР от 30 марта 1922 г. о необходимости проведения агитационной кампании и привлечении к ответственности служащих всех конфессий, противящихся изъятию культовых ценностей** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gasur.narod.ru/cdni/doc/church/doc16-18.htm> (дата обращения: 22.03.2013).

SOVIET POLITICAL CONTROL AND KOMSOMOL ANTI-RELIGIOUS ACTIVITY FORMATION: INTERACTION

Skoropad Aleksei Eduardovich
Tambov State Technical University
alexey_skoropad@mail.ru

The author considers Komsomol as an object of political control, at the same time takes into account that Komsomol anti-religious activity was a part of political control over the daily life of the soviet people, had a significant influence on the formation of the rules and prohibitions of the soviet society, shows that the daily life of young people, including Komsomol members, was increasingly and insistently becoming involved in the sphere of political control influence, and determines the dependence of daily life modifications on the party and Komsomol leaders' general cultural level.

Key words and phrases: Komsomol; young people; religion; political control; daily life; legal conscience.

УДК 94(47).083.76

Исторические науки и археология

В статье рассматривается деятельность крупной неформальной правой политической организации Царской России периода Первой мировой войны – кружка врача П. А. Бадмаева. Особое место уделено социальному составу, вопросу организации собраний, кругу рассматривавшихся на собраниях вопросов. Делается вывод о степени влияния кружка П. А. Бадмаева на внутреннюю политику Николая II.

Ключевые слова и фразы: Российская империя; Первая мировая война; правомонархические салоны; кружок; Государственный совет; Государственная дума; Совет министров.

Стогов Дмитрий Игоревич, к.и.н.

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
bel-grigorij@yandex.ru

КРУЖОК П. А. БАДМАЕВА И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ПОЛИТИКУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ[©]

В последние десятилетия возрастает интерес исследователей к деятельности право-консервативного движения Российской империи начала XX века. К примеру, историк А. А. Иванов рассмотрел проблему, связанную с отношением правой группы Государственного совета России к Первой мировой войне и ее зачинщикам [13]. Гораздо менее тщательно изучена деятельность неформальных правых политических организаций (кружков, салонов, «чаепитий», «бесед» и т.д.). Между тем вопрос об их влиянии на властную политику государства в годы Первой мировой войны, когда традиционная для России монархическая государственность начала испытывать системный кризис, крайне актуален. Наиболее значимыми неформальными правыми организациями были кружок сенатора А. А. Римского-Корсакова, салон графини С. С. Игнатьевой, кружок князя М. М. Андроникова. Особое место среди прочих правых кружков и салонов занимал кружок тибетского врача П. А. Бадмаева.

Петр Александрович Бадмаев, действительный статский советник, тибетский врач [6, с. 37], бурят по национальности, родился 11 апреля 1851 г. в Агинской степи Забайкальской области в семье скотовода-кочевника Батмы [35, д. 18, л. 113 об.]. Он являлся потомком Добо Мергена, прадеда Чингисхана. Согласно преданию, любимую дочь Чингисхана звали Батма, что по-русски означает «лотос» [10, с. 13-14, 18].

П. А. Бадмаев учился в Иркутской классической гимназии и в Иркутской Медико-хирургической академии; с 1871 г. – на факультете восточных языков Санкт-Петербургского университета, закончив его в 1875 году по китайско-монгольскому разряду со степенью кандидата [34, д. 16839, л. 7 – 7 об., 35]. С 1873 г. Бадмаев систематически занимался врачебной практикой, владел аптекой лекарственных трав на Песках. Одновременно служил в Азиатском департаменте Министерства иностранных дел. Неоднократно ездил в Китай, Монголию, Тибет в качестве переводчика. Преподавал монгольский язык в университете. В 1893 г. оставил кафедру и министерство, полностью посвятив свою жизнь изучению, развитию и пропаганде методов тибетской медицины, переводил на русский язык восточные медицинские трактаты, написал ряд статей по данному предмету.

П. А. Бадмаев был официально женат, и от этого брака у него были сыновья – Петр и Николай. Кроме того, также у тибетского врача была гражданская жена (бабушка Бориса Сергеевича Гусева, писавшего книги и статьи о П. А. Бадмаеве) [10, с. 67].

Известно, что тибетский врач лечил очень многих известных людей, в частности Аполлона Аполлоновича Майкова; еще в 1888 г. прописывал ему порошки на ночь для лечения болезней костной ткани [29, д. 17.345/С IX б 14, л. 4, 8, 10, 13]. По свидетельству С. Ю. Витте, тибетский доктор в 1890-е гг. давал ему порошки от холеры, принимавшиеся им во время еды, хотя тот отказался их принимать [14, с. 227]. У П. А. Бадмаева также лечились в разное время известные государственные деятели – А. Д. Протопопов и П. Г. Курлов, однако, по признанию А. Н. Хвостова, «ярких лиц» среди пациентов тибетского врача было сравнительно мало: «крупных имен там не было» [23, с. 13]. Видимо, такое категоричное высказывание бывшего министра внутренних дел связано с его личным неприятием к Протопопову и Курлову (все они были в некотором роде между собой конкурентами), так как, безусловно, и Протопопов, и Курлов были весьма крупными и влиятельными политическими фигурами.

Достигнув известности, П. А. Бадмаев использовал свой авторитет в кругу влиятельных чиновников Петербурга, добился открытия на Поклонной горе бурятской школы с программой классической гимназии, в которую приезжали бурятские дети из Аги, Читы и Забайкалья. В 1893 году он основал в Чите торговый дом «Петр Александрович Бадмаев и К^о», осуществлявший мануфактурную и винную торговлю; вообще, тибетский доктор был очень богатым человеком. Отметим также, что П. А. Бадмаев смог заручиться поддержкой при дворе благодаря протекции востоковеда Э. Э. Ухтомского [20, с. 105], однако впоследствии неудачи в реализации экономических проектов тибетского врача лишили его доверия со стороны Николая II [Там же, с. 116].

Политические взгляды П. А. Бадмаева, судя по его переписке и другим источникам, были монархическими. Он выступал за сохранение сильной самодержавной власти, за первенствующее положение Православной Церкви и за решительную борьбу с левыми и революционными проявлениями. Однако в отличие, скажем, от крайне правых (А. А. Римского-Корсакова и т.д.) тибетский доктор считал, что необходима в определенной степени децентрализация власти. Если внешняя политика, армия, флот, внешняя торговля, пути сообщения, составление государственной сметы и контроль над всеми губерниями, областями и княжествами должны, по его мнению, остаться в ведении «центра», то «внутренняя политика: церковь, народное воспитание и образование, печать, местное народное самоуправление, суд, все виды промышленности, а также еврейский вопрос – неотложно требуют децентрализации власти» [2, с. 199]. Такая позиция свидетельствует об определенном крене в сторону либерализма во взглядах Бадмаева.

Как относилось к деятельности П. А. Бадмаева «общественное мнение», наглядно показывают воспоминания современников, в частности свидетельство убийцы Распутина, князя Ф. Ф. Юсупова-младшего. Хотя этого мемуариста нельзя отнести ни к левым, ни к либералам, тем не менее он в резко негативной форме отзывался о тибетском докторе: «...как человек он представлял собою тип авантюриста самой низкой марки, ищущего денег и положения» [37, с. 24-25].

Аналогичной позиции придерживался и С. Ю. Витте, писавший в мемуарах, что тибетский доктор «обладает большой долей шарлатанства» [14, с. 433]; иногда от его лечения была польза, а иногда нет. Весьма одиозный писатель Р. Фюлеп-Миллер, без каких бы то ни было ссылок на источник, утверждал, что якобы Бадмаев лечил Николая II от желудочных колик «смесью белены и гашиша, оказавшей действительно благоприятнейшее воздействие» [33, с. 88]. Известный поэт и секретарь Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) А. А. Блок, непосредственно участвовавший в допросах комиссии, охарактеризовал П. А. Бадмаева следующим образом: «Умный и хитрый азиат, у которого в голове был политический хаос, а на языке шуточки, и который занимался, кроме тибетской медицины, бурятской школой и бетонными трубами» [24, с. 12].

«Общественное мнение» оказало самое негативное влияние на деятельность П. А. Бадмаева. Еще в 1904 г. Петербургский окружной суд разбирая дело о клевете со стороны доктора И. С. Крайнделя по отношению к П. А. Бадмаеву, которого тот обвинял в «грубо-невежественных приемах врачевания» и в «сведении до времени в могилу не одного легковверного пациента». Суд, после часового совещания, оправдал Крайнделя. Приговор был встречен многочисленной публикой очень сочувственно. Тогда же столичное врачебное управление просило пристава второго участка обязать Бадмаева не заниматься врачебной практикой. По сообщению печати, позже, в 1911 г., лечение по методу тибетского доктора признали «вредным для здоровья», и по сему Бадмаеву разрешили «учредить общество только для научного изучения тибетской медицины» [11, с. 12]. Не любили Бадмаева не только либералы, но и многие консервативные деятели. К примеру, у него были

напряженные отношения с А. С. Сувориным. Последний в дневнике однажды прямо назвал его «тибетским шарлатаном и русским доносчиком» [31, с. 356].

Однако ведущие организаторы правых политических салонов, как правило, оказывали всяческую поддержку деятельности тибетского врача. Среди таковых назовем князя В. П. Мещерского. Он в ответ на письмо некоего Е. Лоренца о том, что врачебной практике Бадмаева ставились всевозможные препоны, заявил о своей поддержке доктора, который «оказывал пользу страждущему люду» [21, с. 15-16].

Особый вопрос – отношения П. А. Бадмаева с Г. Е. Распутиным. Они были хорошо знакомы. Отметим, что первоначально, судя по документам, Бадмаев достаточно резко выражался по вопросу о деятельности старца. Поддерживая тогдашнего противника Распутина – Илиодора, который даже скрывался несколько дней на квартире у тибетского доктора (в январе 1912 г.) [16, с. 150], Бадмаев в том же году «высказался весьма и весьма осторожно, сообщая о том неприятии, которое Распутин вызывает в различных слоях общества, и о тех неприятных последствиях, к которым это может привести». В дальнейшем, по мнению доктора, это могло вызвать династические проблемы [2, с. 6]. Б. С. Гусев, внук П. А. Бадмаева, считает, что его дед изложил данную точку зрения в записке министру двора графу В. Б. Фредериксу, чтобы тот «довел до сведения Николая II, как в обществе воспринимают Распутина» [9, с. 39]. По словам писателя, «именно за попытку разоблачить Распутина Петр Александрович в 1912 году был отлучен от двора» [Там же, с. 37]. В мемуарах «Крушение империи» председатель четвертой Государственной думы М. В. Родзянко утверждал, что одно время П. А. Бадмаев, наряду с А. И. Гучковым и другими лицами, помогал Родзянко собирать сведения о деятельности Распутина, с целью последующих докладов царю [26, с. 40]. В частности, через Илиодора, взявшего у Распутина письма императрицы и царских дочерей к нему, их копии попали к П. А. Бадмаеву, затем к его пациенту А. Д. Протопопову, который, в свою очередь, ознакомил с их содержанием коллег по октябристской фракции А. И. Гучкова и М. В. Родзянко. Позже октябристы размножили эти письма на гектографе для проведения антираспутинской пропаганды [17, с. 141-142].

Однако уже в 1916 году Бадмаев стал активно использовать Распутина в своих политических целях. Мало того, Ф. Ф. Юсупов считал, что Распутин совместно с Бадмаевым осуществлял лечение наследника различными травами [37, с. 25]. Правда, эта информация не подтверждается серьезными источниками.

Утверждения о том, что тибетский врач лечил членов царской семьи, активным образом тиражировались после Февральской революции в газетах, а затем и в мемуарах. Зачастую информация о лечении Бадмаевым цесаревича приобретала в периодической печати совершенно зловещий оттенок: к примеру, в одной публикации «Петроградского листка» утверждалось, что якобы тибетский доктор изготавлял «ядовитые опьяняющие вещества», которые «незаметно давались наследнику и вызывали общее расстройство». «Тем самым, – уверял автор заметки, – искусственно организовывались “критические моменты”, которые служили укреплением влияния Распутина на царскую семью» [5, с. 2].

Между тем утверждения о лечении П. А. Бадмаевым представителей царской семьи опровергаются камерфурьерскими журналами (отсутствие записей о посещении тибетском врачом царской семьи), дневником Николая II (в нем зафиксировано всего лишь одно посещение тибетского врача за долгие годы) [12, с. 185] и воспоминаниями современников (С. К. Буксгевден, А. Т. Васильев, П. Г. Курлов).

Как утверждала баронесса С. К. Буксгевден, «чистейшей выдумкой являются истории о том, что Анна Вырубова давала цесаревичу “снадобья” тибетского доктора Бадмаева, друга Распутина. Бадмаев никогда не приходил во дворец, а императрица ни в коем случае не допустила бы подобного рода вещей» [3, с. 226].

Директор Департамента полиции А. Т. Васильев сообщает, что он вместе с П. Г. Курловым и П. А. Бадмаевым приняли решение написать телеграмму тогдашнему дворцовому коменданту В. А. Дедюлину о необходимости лечения тибетским врачом цесаревича Алексея. Через два дня пришел ответ от дворцового коменданта, в котором сообщалось о том, что «лечащий врач Федоров и врачи-консультанты возражают против приглашения Бадмаева и что царствующая чета в итоге решила отказаться от предложения». По словам А. Т. Васильева, «этот случай явно доказывает абсолютную недостоверность свидетельства о лечебной деятельности Бадмаева при дворе» [4, с. 419-420].

Сообщение А. Т. Васильева о том, что П. А. Бадмаев не был допущен к царской семье, подтверждает и П. Г. Курлов: «Безусловно веря медицинским познаниям последнего (*П. А. Бадмаева – Д. С.*), я, как и все русские, с большим беспокойством следил за ходом постигшей наследника болезни, а потому послал генерал-адъютанту Дедюлину телеграмму с предложением использовать для августейшего больного испытанные мной от кровоизлияния средства П. А. Бадмаева, что встретило полное противодействие со стороны придворных врачей» [18, с. 168].

Сущность отношений между Распутиным и Бадмаевым бывший командир корпуса жандармов П. Г. Курлов объяснял следующим образом: «Знакомство их меня несколько не удивило, так как Бадмаев, верующий христианин, относился глубоко отрицательно ко всякому проявлению мистицизма, но старательно изучал его путем личного знакомства с различными выдающимися на этом поприще людьми. <...> К Распутину он относился с большим вниманием, видимо, желая разгадать его личность, так как Бадмаев искренно и высоко чтит царя и всю его семью». Генерал, кроме того, утверждал, что в свое время у тибетского врача бывал странник Митя и прочие неординарные личности [19, с. 187]. Жандармский генерал опровергал информацию, исходившую из уст В. М. Пуришкевича, что якобы тибетский доктор снабдил Распутина какими-то порошками, при помощи которых последний приворожил к себе царскую семью. По словам П. Г. Курлова, ни Николай II, ни его семья никогда не лечились у Бадмаева. Мало того, по утверждению мемуариста, Распутин тоже никогда не лечился у тибетского врача, а многочисленные пациенты, к числу которых принадлежал в течение восемнадцати лет и Курлов, «знали, что Бадмаев не располагал никакими особыми лекарствами» [Там же].

Остается до конца не исследованным вопрос о том, как Распутин в первый раз посетил Бадмаева, как с ним познакомился. Б. Гусев утверждает, что появление старца у Бадмаева произошло по просьбе жены последнего: «Петр Александрович, все говорят о Распутине... Привезите его к нам». В первый раз Распутин пробыл у Бадмаева около часу [9, с. 35]. Б. Гусев, войдя в противоречие с другими источниками, утверждал: «Не исключаю возможности того, что дед, предполагая влияние “святого старца” на царскую чету или зная об этом, хотел сблизиться с ним. <...> Но дед скоро разочаровался в Григории. Слухи о его кутежах и скандальном поведении еще больше оттолкнули от него, ибо сам Петр Александрович жил по совершенно другим заповедям, да и вино рекомендовал исключительно в лечебных целях, причем как компонент лекарств» [Там же, с. 36]. Все вышесказанное, однако, почему-то не мешало Бадмаеву сблизиться с Распутиным к 1916 году.

Вокруг П. А. Бадмаева с 1873 года, то есть с момента начала врачебной практики тибетского доктора, постепенно стал группироваться кружок его почитателей, поклонников и пациентов. Кружок просуществовал до февраля 1917 г. Собрания в нем проходили по следующим адресам: в доме на Литейном пр., 16, где Петр Александрович был прописан, но чаще всего – на даче на Поклонной горе (Лесной участок, Старо-Парголовоцкий пр., д. 77-79) [6, с. 37]. В доме на Поклонной горе также проживали сыновья тибетского врача – Петр и Николай [Там же]. Необходимым атрибутом любого полноценного салона являлись фиксированные дни недели, в которые регулярно проводились собрания. У Бадмаева собственно салона не существовало, а работал кружок, собрания в котором проводились нерегулярно, в разные дни недели, в зависимости от воли хозяина.

Не носивший первоначально политической окраски, кружок, однако, постепенно активизировал свою деятельность. По словам советского историка Е. Д. Черменского, в 1916 г. этот кружок сделался наиболее влиятельным при дворе [36, с. 195]. Правда, как пишет историк 1920-х гг. В. П. Семенников, «непосредственно к Николаю II и Александре Федоровне Бадмаев проникал, видимо, довольно редко» [32, с. IX]. Проанализировав содержание камер-фурьерских журналов за период с 1904 по 1916 гг., мы приходим к выводу, что за все это время не зафиксировано ни одного посещения тибетским доктором императора и императрицы. Согласно свидетельству бывшего прокурора Харьковской судебной палаты Ф. П. Стимсона, царь помечал записки и письма тибетского врача грифом «для чтения», но не доверял методам лечения, однажды отослав обратно порошки для наследника [25, с. 101]. Как следует из дневников Николая II, П. А. Бадмаев был принят царем в понедельник, 16 декабря 1896 г. [12, с. 185]. О содержании беседы мы ничего не знаем. Возможно, царь и Бадмаев обсуждали коммерческий проект тибетского врача. Как отмечалось, в этот период времени император всецело доверял Бадмаеву, однако к началу 1900-х гг. степень доверия резко уменьшилась.

Что касается взаимоотношений некоторых высших государственных чиновников с А. П. Бадмаевым, следует отметить, что П. Г. Курлов и А. Д. Протопопов постоянно лечились у тибетского врача в санатории, располагавшемся на его даче на Поклонной горе, а летом 1915 года у него же Курлов встретился с Распутиным [19, с. 187, 270]. Согласно Сводке материалов о Распутине, составленной бывшим прокурором Харьковской судебной палаты Ф. П. Стимсоном, Протопопов сначала лечился от «какой-то венерической болезни», позже получал «возбуждающие порошки», или так называемые «любовные фильтры», а в 1915 г. и в начале 1916 г. лежал в санатории у Бадмаева с острым миелитом и опухолью ноги [25].

Итак, в работе кружка принимали участие некоторые пациенты П. А. Бадмаева – это высшие государственные чиновники (А. Д. Протопопов, П. Г. Курлов), с помощью которых можно было пытаться оказывать влияние на государственную политику.

Постоянным посетителем дома тибетского знахаря, участником его кружка был также С. П. Белецкий [36, с. 195-196]. В приятельских отношениях с доктором был и епископ Гермоген (Долганов) [1, с. 137]. Среди прочих с П. А. Бадмаевым был знаком иеромонах Илиодор (Труфанов). После того как его расстригли, он, согласно мемуарам П. П. Стремоухова, скрывался на окраинах столицы, главным образом у доктора тибетской медицины [15, с. 47]. Посещал кружок Бадмаева, как следует из показаний А. Д. Протопопова, Б. В. Штюмер и помощник Варшавского обер-полицмейстера А. П. Балк (последнего тибетский доктор протезировал на пост петроградского градоначальника, и действительно в 1916 году он получил это назначение) [8, д. 885, л. 87, 106].

Хотя кружок посещали представители высшей бюрократии – П. Г. Курлов, С. П. Белецкий, А. Д. Протопопов, Б. В. Штюмер, А. Н. Хвостов, однако, в отличие от салонов В. П. Мещерского, Е. В. Богдановича, С. Д. Шереметева и других, в его работе не участвовали представители титулованной знати.

Вопросы, которые рассматривались в кружке П. А. Бадмаева, были весьма разнообразными. Так, в сентябре 1916 года у тибетского врача обсуждался вопрос о передаче продовольственного дела из ведения Министерства земледелия в ведение Министерства внутренних дел, который был поставлен по инициативе Г. Е. Распутина [32, с. 169]. В своей работе «Мудрость в русском народе» (собственные брошюры доктор представлял царской семье и министрам) П. А. Бадмаев писал относительно организаций снабжения, предлагая себя в руководители этого дела. По мнению В. П. Семенникова, эти мероприятия П. А. Бадмаеву было удобно проводить при передаче дела в руки А. Д. Протопопова, ставленника Г. Е. Распутина, и его самого [Там же]. Кроме того, П. А. Бадмаев со своими сторонниками осуществлял различного рода аферы, организовывал железнодорожные концессии, пропагандировал достижения тибетской медицины [Там же, с. XIII]. В планах П. А. Бадмаева было даже присоединить Монголию, Китай и Тибет к России. Этот проект первоначально поддержал С. Ю. Витте (в 1893 г.), но потом он же отверг его [Там же, с. XXXI].

Кружок П. А. Бадмаева осуществлял закулисную работу двумя путями:

1) написание писем Николаю II, Александре Федоровне и особенно их «доверенному лицу» А. А. Вырубовой;

2) личные сношения с Г. Е. Распутиным. Своими идеями тибетский доктор делился с Распутиным, а затем тот мог оказывать определенное воздействие на императрицу или А. А. Вырубову. Далее они передавали эти мысли Николаю II [Там же, с. IX].

В 1920-х гг. была частично опубликована переписка П. А. Бадмаева с царем, с царицей, с А. А. Вырубовой и другими влиятельными лицами [32]. Она проясняет некоторые моменты, связанные с политической программой тибетского врача. Ряд писем Бадмаева, относящихся к 1916 – началу 1917 г., содержит в себе положительные характеристики Распутина, просьбы о его защите от нападок А. Н. Хвостова, С. П. Белецкого и пр. [2, с. 28, 30, 41-42]. Бадмаев также просил через А. А. Вырубову о покровительстве П. Г. Курлова, хотел, чтобы того назначили членом Государственного совета [Там же, с. 33-35]; рекомендовал генерала В. В. Сахарова на пост военного министра и председателя Совета министров [Там же, с. 40], а С. К. Глинку-Янчевского – на сенаторскую должность [32, с. XI]. При этом он высказал пожелание, чтобы последнему давали 500 000 рублей на «царскую газету», «которая будет выходить в возможно интересном виде для подписчиков, но в духе глубокого самодержавия» [2, с. 43]. Тибетский доктор считал, что необходимо «материально оценить» С. К. Глинку-Янчевского [Там же, с. 44], настаивал на скорейшем завершении проекта Мурманской железной дороги со строительством порта Романов [Там же, с. 50-52]. Несмотря на активность П. А. Бадмаева, С. К. Глинка-Янчевский не прошел в Государственный совет.

В письме к императору от 27 апреля 1916 г. П. А. Бадмаев, предчувствуя надвигающуюся революционную бурю, попытался предостеречь монарха в его отношениях с окружением: «Вашему величеству хорошо известно, что около трона и около дворов великих князей масса атеистов и туенядцев, которые проникли во все министерства и во все учебные заведения, не исключая военных» [9, с. 40]. Буквально накануне Февральской революции П. А. Бадмаев послал императору и членам его семьи только что вышедшую брошюру «Мудрость в русском народе», где, рассмотрев пути России за последние полвека, он призвал Николая II немедленно организовать народные дружины в защиту самодержавия [Там же, с. 42].

Об активной закулисной политической деятельности П. А. Бадмаева свидетельствуют сохранившиеся в фонде ЧСК его письма к А. Д. Протопопову, к Николаю II, к Александре Федоровне о необходимости учреждения следственной комиссии для расследования случаев нарушения немцами Гаагской конвенции, о смещении с поста председателя Совета министров Б. В. Штюрмера, об утверждении устава «Общества последователей врачебной науки Тибета» (1915-1917 гг.) [8, д. 701, л. 1-19]. Тибетский врач общался также с министрами С. Д. Сазоновым и В. Н. Коковцовым по вопросам, связанным с проектом строительства трансмонгольской железнодорожной линии (1913 г.). Бадмаев протезировал этот проект, указывал его выгодные стороны [35, д. 4, л. 13 об.].

Бывший министр внутренних дел А. Н. Хвостов в показаниях ЧСК подробно коснулся работы кружка. Вот что, в частности, он рассказал: «Там были разные личности... Был Курлов. <...> Я узнал, что Бадмаева трогать нельзя. <...> Потому, что он корреспондировал с Царским Селом. Я знал, что там бывал Курлов и градоначальник Балк. <...> Впоследствии у него бывал Протопопов, но не при мне. От Бадмаева доставлялось вино Распутину. <...> Относительно Беляева я не помню, был там он или нет...». На вопрос следователя, был ли кружок Бадмаева политическим салоном, А. Н. Хвостов не смог ответить утвердительно; он же считал, что тибетский врач не имел связи с немецким капиталом, в чем его неоднократно обвиняли [23, с. 12-13].

Кружок П. А. Бадмаева пытался продвинуть своих участников на высшие ступени властной иерархии. По словам Е. Д. Черменского, П. Г. Курлов, «генерал от провокации», авторитет по борьбе с революцией, лично знакомый со многими высшими сановниками, в частности с В. Б. Фредериксом [28, д. 98], стремившийся занять пост министра внутренних дел или даже премьер-министра, «интимный друг» Бадмаева, играл в кружке главенствующую роль, сделавшись через Распутина «интимным советчиком обитателей царско-сельского дворца»; А. Д. Протопопов же считался экспертом по продовольственному вопросу [36, с. 196]. Однако ввиду того, что П. Г. Курлов считался одиозной личностью (молва приписывала ему организацию убийства П. А. Столыпина), участники кружка намечали его на пост товарища министра внутренних дел, заведующего полицией; шансы же А. Д. Протопопова как «общественного деятеля» считались предпочтительнее [Там же]. О «продвижении» Бадмаевым и Распутиным Курлова и Протопопова говорили также сам А. Д. Протопопов (в своих показаниях ЧСК) [8, д. 885, л. 14, 71] и А. И. Спиридович [30, с. 353-354]. По замыслу Бадмаева, новый министр А. Д. Протопопов должен был приблизить опального П. Г. Курлова и, возможно, дал организатору кружка обещание это сделать. Курлов действительно тогда же занял пост товарища министра внутренних дел и стал командиром корпуса жандармов. По словам В. П. Семенникова, П. А. Бадмаев у себя устраивал «пробы» Распутиным разных кандидатов на министерские и прочие посты [32, с. X]. Однако, судя по дальнейшему развитию событий (ни одно из перечисленных желаний не было осуществлено), можно сделать вывод о слабом влиянии кружка на государственные дела.

Естественно, у П. А. Бадмаева были не только сторонники, но и противники, с которыми он пытался бороться. Тибетскому врачу не нравилась деятельность Б. В. Штюрмера, так как тот был связан с И. Ф. Манасевичем-Мануйловым, врагом и конкурентом Бадмаева. С помощью Распутина, по утверждению А. Д. Протопопова, Бадмаев боролся и с председателем Совета министров А. Ф. Треповым в ноябре 1916 года [8, д. 885, л. 33].

Безусловно, назначение 16 сентября 1916 г. А. Д. Протопопова министром внутренних дел явилось, по крайней мере, косвенно победой кружка П. А. Бадмаева (хотя и не только его, но и кружка Н. Ф. Бурдукова). Историк А. Я. Аврех утверждал, ссылаясь на неопубликованный дневник С. Д. Протопопова (брата Александра Дмитриевича), что «летом 1916 г. под влиянием П. А. Бадмаева и П. Г. Курлова Распутин решил наконец вывести Протопопова из «резерва» и дать ему министерский пост» [1, с. 137, 139]. Тот же самый тезис (Распутин «осенило», что Протопопов будет полезен как председатель Совета министров) содержится и в показаниях А. Д. Протопопова ЧСК [8, д. 885, л. 14]. Однако заключение историка требует дополнительных доказательств, которых в его

работе нет. Мы не можем в полной мере утверждать, что тибетский доктор оказал непосредственное влияние на это назначение. Скорее, тут дело в личных симпатиях к Протопопову императрицы и Распутину.

Об этом, кстати, свидетельствует и приветственная телеграмма, которую прислал давний друг и врач Протопопова, причем сделал он это «от имени Вас любящих жителей Поклонной горы, больших, средних, малых и всех служащих»: «Вся Поклонная гора радуется назначению Вас министром внутренних дел» [27, д. 1165, л. 54]. Сам А. Д. Протопопов послал в тот же день, 21 декабря, вечером, ответную телеграмму П. А. Бадмаеву: «Всей душою благодарю милую телеграмму от верных и [в] горе и радости друзей. <...> Не забыл меня грешного» [Там же, л. 54 об.].

Б. С. Гусев, в противовес А. Я. Авреху, считал, что назначение А. Д. Протопопова на пост министра внутренних дел есть всего-навсего «один из примеров мнимого влияния» на царя. Протопопов, посетивший Англию в составе думской делегации, выступая там, произвел впечатление на короля Эдуарда VII, который в письме к Николаю II посоветовал обратить на него внимание. М. В. Родзянко, по словам Б. С. Гусева, также ратовал за кандидатуру Протопопова [9, с. 40]. Данное заключение о слабом влиянии Бадмаева на придворную политику находит следующее документальное подтверждение. 3 декабря того же года был опубликован указ о назначении генерала П. Г. Курлова товарищем министра внутренних дел, однако он сразу же был уволен с этого поста [32, с. X].

В некоторых исследованиях звучит мысль о значительном воздействии кружка П. А. Бадмаева на государственные дела [36, с. 195]. По мнению Р. Фюлеп-Миллера, одна из причин – «успешное медицинское обслуживание царя» (которого, как показывают камер-фурьерские журналы и мемуарные свидетельства, вообще не было!) и других высокопоставленных деятелей. Фюлеп-Миллер утверждал: «С течением времени медицина и политика, назначения министров и “экстракты лотоса” все более смешивались друг с другом; так возникло фантастически-колдовское влияние, исходившее из больницы Бадмаева и определявшее судьбу всей России» [33, с. 88]. Заметим, что подобное высказывание – очень поверхностное и не имеет под собой никаких реальных доказательств. Это мнение целиком и полностью продолжает череду пропагандистских заявлений в русской либеральной и революционной печати 1914-1917 гг. о «веселой камарилье», о якобы имевшем место значительном влиянии «аферистов», «шарлатанов» и т.д. на придворную политику.

После февраля 1917 года деятельность П. А. Бадмаева привлекла внимание следователей из Чрезвычайной следственной комиссии (ЧСК) Временного правительства. Сохранились «дела» о тибетском враче (документы, брошюры и т.д.) [8, д. 600-604]. В 1917 году Временное правительство решило выслать его в числе «неудобных» лиц в Англию. В августе того же года П. А. Бадмаев был выслан А. Ф. Керенским в Финляндию [7, с. 202, 209]. А. А. Вырубова, которую тогда же постигла та же участь, впоследствии вспоминала, что доктор Бадмаев напоминал «пресмешного божка в белом балахоне с двумя дамами и маленькой девочкой с черными киргизскими глазками». По словам мемуаристки, на станции Белоостров на перроне собралось множество народа посмотреть на высланных. При этом «Бадмаев ничего не нашел умнее, как показать им кулак; началась перебранка – схватили камни с намерением бросить в окна» [Там же, с. 202]. В Свеаборге доктор, одетый в белую чесучовую рубаху, в белую шляпу и в белые нитяные перчатки, также привлекал всеобщее внимание и заговаривал с толпой [Там же, с. 209]. В Финляндии Бадмаева арестовали революционные войска, доставили в Свеаборгскую крепость, в которой он провел около месяца. После установления Советской власти в Петрограде Бадмаева освободили, и он вернулся домой, вновь занялся врачебной практикой. Впоследствии его арестовывали неоднократно; тибетский врач сидел в том числе и в «Крестах». Вернувшись домой неизлечимо больным, Бадмаев скончался 29 июля 1920 г. от паралича сердца и был похоронен неподалеку от своего дома, на Шуваловском кладбище. Могила сохранилась и находится неподалеку от Спасо-Парголовского храма.

Список литературы

1. Аврех А. Я. Царизм накануне свержения. М.: Наука, 1989. 256 с.
2. Бадмаев П. А. За кулисами царизма: воспоминания, мемуары / отв. ред. Ю. Г. Хацкевич. Минск – М.: Харвест, 2001. 208 с.
3. Буксгевден С. К. Венценосная мученица. М.: Русский хронограф, 2006. 525 с.
4. Васильев А. Т. Охрана: русская секретная полиция // «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. М.: Новое литературное обозрение, 2004. Т. 2. 598 с.
5. Ведун. Тайна Вырубовой // Петроградский листок. 1917. 23 марта.
6. Везь Петроград на 1917 год: адресная и справочная книга / под ред. А. П. Шашковского. СПб., 1916. 806 с.
7. Вырубова А. А. Страницы моей жизни / вступ. ст. Ю. Ю. Рассулина. М.: Благо, 2000. 319 с.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1467. Оп. 1.
9. Гусев Б. С. Мой дед Жамсаран Бадмаев // Доктор Бадмаев: тибетская медицина, царский двор, советская власть. М.: Русская книга, 1995. 240 с.
10. Гусев Б. С. Петр Бадмаев: крестник императора, целитель, дипломат. М.: Олма-Пресс, 2000. 349 с.
11. Действия и распоряжения правительства // Гражданин. 1911. 6 ноября.
12. Дневники императора Николая II / сост., комм., примеч., перечень имен, список сокращений В. П. Козлов, Т. Ф. Павлова, З. И. Перегудова. М.: Орбита, 1992. 736 с.
13. Иванов А. А. «Наша стихия сильнее Нибелунговой...»: отношение правой группы Государственного совета России к Первой мировой войне и ее зачинщикам // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 2 (8). Ч. I. С. 64-69.
14. Из архива С. Ю. Витте. Воспоминания: рассказы в стенографической записи, рукописные заметки / публ. и примеч. Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина, С. В. Куликова, С. К. Лебедева, И. В. Лукоянова. СПб.: Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2003. Т. 1. Кн. 1. 521 с.

15. Из воспоминаний сенатора П. П. Стремоухова «Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором» // Архив русской революции. Берлин, 1925. Т. XVII. 290 с.
16. Илиодор [Сергей Труфанов]. Святой черт (Записки о Распутине). Изд-е 2-е. М., 1917. 187 с.
17. Коцюбинский А. П., Коцюбинский Д. А. Григорий Распутин: тайный и явный. СПб. – М.: Лимбус-Пресс, 2003. 480 с.
18. Курлов П. Г. Гибель императорской России. М.: Современник, 1992. 255 с.
19. Курлов П. Г. Конец русского царизма: воспоминания бывшего командира корпуса жандармов. М. – Л., 1923. 296 с.
20. Леонов М. М. Российские салоны второй половины XIX – начала XX в.: патронат и протектирование. Самара: Издательство СМИУ, 2010. 144 с.
21. Мещерский В. П. Дневники. Пятница, 29 апреля // Гражданин. 1911. 1 мая.
22. Монархия перед крушением. 1914-1917. Из бумаж Николая П. Статьи В. П. Семенникова. М., 1927. VIII+311 с.
23. Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. ЧСК Временного правительства: в 7-ми т. / под ред. П. Е. Щеголева. М. – Л.: Госиздат, 1924. Т. 1. 432 с.
24. Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил А. Блок. Пг.: Алконост, 1921. 168 с.
25. Последний временщик последнего царя: сводка материалов о Распутине, составленная бывшим прокурором Харьковской судебной палаты Ф. П. Стимсоном // Вопросы истории. 1964. № 12. С. 92-101.
26. Родзянко М. В. Крушение империи // Архив русской революции. Берлин, 1926. Т. XVII. 315+2 с.
27. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1282. Оп. 1.
28. РГИА. Ф. 1669. Оп. 1.
29. Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский дом) (РО ИРЛИ). Ф. 168. Оп. 1.
30. Спиридович А. И. Великая война и февральская революция (1914-1917). Минск: Харвест, 2004. 720 с.
31. Суворин А. С. Дневник. М.: Новости, 1992. 496 с.
32. Тибетский врач и русская монархия // За кулисами царизма: архив П. А. Бадмаева / сост. В. П. Семенников. Л., 1925. XXXIV+175 с.
33. Фюлеп-Миллер Р. Святой дьявол: Распутин и женщины / пер. с нем. У. В. Смеловской. СПб.: Печатный двор, 1994. 271 с.
34. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 3.
35. ЦГИА СПб. Ф. 2300. Оп. 1.
36. Черменский Е. Д. Четвертая государственная дума и свержение царизма в России. М.: Мысль, 1976. 320 с.
37. Юсупов Ф. Ф. Конец Распутина. Фрунзе, 1990. 240+1 с.

P. A. BADMAEV'S GROUP AND ITS INFLUENCE ON THE RUSSIAN EMPIRE'S POLITICS DURING THE FIRST WORLD WAR

Stogov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in History
St. Petersburg State Electro-Technical University
bel-grigorij@yandex.ru

The author considers the activity of a large informal right-wing political organization of Imperial Russia during the First World War – Doctor P. A. Badmaev's group, pays particular attention to the social composition, the question of meetings organization, the scope of the questions, which were considered at the meetings, and comes to the conclusion about the degree of P. A. Badmaev's group influence on the internal politics of Nicholas II.

Key words and phrases: the Russian Empire; the First World War; right-monarchist saloons; group; the State Council; the State Duma; the Council of Ministers.

УДК 392

Исторические науки и археология

В статье впервые представлен всесторонний анализ традиционного суда и системы наказаний в обычном праве алтайцев. Автор использует полевые исследования, опубликованные в единственном источнике по суду зайсана «Жайзаннын жаргы жаны», а также неопубликованные – проведенные автором за последние пять лет. Целью статьи является описание зайсанского суда, системы наказаний и норм обычного права алтайцев, демонстрация их знания представителями старшего поколения.

Ключевые слова и фразы: зайсан; зайсанский суд; алтайцы; обычное право; наказание.

Учайкина Айару Михайловна

Горно-Алтайский государственный университет
aiaroposheva@mail.ru

ЗАЙСАНСКИЙ СУД АЛТАЙЦЕВ ПО ПОЛЕВЫМ МАТЕРИАЛАМ КОНЦА XX И НАЧАЛА XXI ВЕКА ©

Термин «зайсан», или «*жайсан*», произошел от звания китайского титула «цзай-сян». Термин «цзай-сан» встречается в китайской летописи, где описываются события 780 г. «Цзай-сан Дуньмохэ Дагань отговаривал